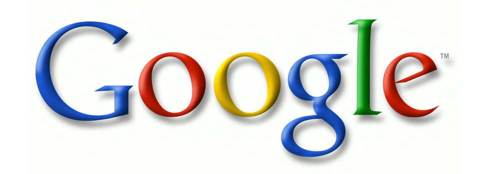

Google

НА ПАМЯТЬ

молодымъ художникамъ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

ВИКТОРА СИЛЬВЕСТРОВИЧА

ШПАКА.

СОСТАВИЛЪ

А. Н. КАНАЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

„Владимірская" Тип. (Л. Мордуховской), Владим. пр., 19.

1891.

На память

молодымъ художникамъ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ

Виктора Сильвестровича

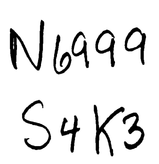
ШПАКА.

СОСТАВИЛЪ

А. Н. КАНАЕВЪ.

С.-Петербургъ
„Владимірская“ Тип. (Л. Мордуховской), Владимірскій пр., 19.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 Декабря 1890 года.

ПОСВЯЩАЮ

Маріи Викторовнѣ

Шпакъ

Авторъ.

Викторъ Сильвестровичъ

ШПАКЪ.

Викторъ Сильвестровичъ Шпакъ родился въ 1847 г. въ городѣ Бѣлостокѣ, Гродненской губерній. Отецъ его, Сильвестръ Онуфріевичъ Шпакъ, былъ учителемъ географіи въ Бѣлостокѣ, въ гимназіи; женатъ онъ былъ на Любови Карловнѣ Герлетъ, женщинѣ хорошо образованной, чрезвычайно гуманной и большой любительницѣ музыки, отъ которой, вѣроятно, Викторъ Сильвестровичъ и унаслѣдовалъ то поклоненіе искусству, которымъ онъ отличался во всю свою короткую жизнь.

Отецъ же Шпака былъ нрава крайне неуживчиваго и крутаго и былъ «не пара» кроткой женщинѣ, которой не подъ силу наконецъ стала общая жизнь съ нимъ и она формально развелась съ мужемъ и вышла вторично замужъ за его сослуживца, тоже учителя, Григорія Федоровича Яковенко.

Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ: ссорятся родители—страдаютъ дѣти; такъ было и съ Викторомъ Сильвестровичемъ— онъ росъ, какъ былинка полевая, безъ призора, дичкомъ и не было у него «дѣтства веселаго»...

Г. Ф. Яковенко, женившись на матери В. С., уѣхалъ въ Петербургъ, отъискивать мѣста. Вслѣдъ за нимъ переѣхала и мать В. С. съ двумя его братьями и съ двумя сестрами,

Примѣчаніе. Настоящій очеркъ былъ помѣщенъ въ „Альбомѣ рисунковъ“ В. С. Шпака.

дѣтьми малъ-мала меньше. В. С. было тогда всего лѣтъ десять. Вотчимъ, истративъ послѣднія деньжонки, не отъискавъ мѣста—умеръ, оставивъ вдову съ шестью ребятами на шеѣ... безъ всякихъ средствъ.

Семья Шпаковъ помѣстилась въ 17 линіи Васильевскаго острова и читатели легко себѣ могутъ представить, какова была нужда у нихъ, если мы скажемъ, что почти единственнымъ ихъ средствомъ къ существованію были уроки музыки, даваемые матерью отъ 30 к. за урокъ, и игра танцевъ на вечерахъ у небогатыхъ людей...

Бѣдность—не порокъ сама по себѣ, но часто доводитъ людей до порока; особенно она способна воспитать порочныхъ дѣтей, если ихъ родители при нуждѣ невѣжественные люди, въ которыхъ эта треклятая бѣдность развиваетъ одни эгоистичные инстинкты, во главѣ съ ненавистью и завистью къ другимъ людямъ... Тутъ хорошаго не жди: воспитаются кулаки, человѣконенавистники, мстители за свою бѣдность.

Но бѣдность не могла такъ отразиться на дѣтяхъ такой матери, какова была мать В. С. У такихъ гуманныхъ личностей, какъ эта женщина, личная бѣдность учитъ понимать съ малыхъ лѣтъ нужду другихъ людей, сочувствовать голодному по своему личному опыту, оправдывая пословицу; учитъ состраданію, сочуствію горю другаго человѣка, смягчаетъ сердце, и мало-по-малу накопляетъ въ дѣтяхъ то душевное богатство, передъ которымъ матеріальные милліонеры являются нищими... духомъ!..

Въ такомъ вліяніи бѣдности и скрыто то, повидимому, необъяснимое явленіе, почему «солью земли» въ большинствѣ случаевъ являются дѣти бѣдняковъ, когда бы этой «солью» должны бы быть дѣти богачей, которымъ съ пеленокъ предоставлены самыя широкія условія для самаго широкаго человѣческаго развитія и образованія...

Многіе богачи-родители, всю жизнь убившіе на стяжаніе капиталовъ «для дѣтей», впослѣдствіи завидуютъ родителямъ

бѣднякамъ, видя, какую дрянную службу сослужило это богатство ихъ дѣтямъ, создавъ изъ нихъ или безчувственныхъ эгоистовъ, тунеядцевъ, или шалопаевъ сорви-головъ, или еще и нѣчто худшее...

Высказываемъ эти простыя истины, какъ любимыя мысли покойнаго, съ которыми онъ жилъ и въ жизнь—своею жизнью проводилъ.

Мы сказали, что В. С. было около десяти лѣтъ, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, самая пора учиться, и вотъ мать отдала его въ Андреевское приходское училище, въ которое онъ ходилъ всего съ годъ: его за какой-то пустякъ хотѣли высѣчь, но мать не согласилась на эту операцію и принуждена была взять сына изъ училища...

То время было—время весны новой жизни—конецъ пятидесятыхъ годовъ, была необыкновенная свѣжесть въ воздухѣ, вездѣ кипѣло дѣло. Все стремилось къ свѣту, къ просвѣщенію. Повсюду открывались безплатныя школы. Открылась Васильеостровская безплатная школа, учредителями которой были люди, составившіе себѣ впослѣдствіи почтенное педагогическое имя, какъ Ф. Ф. Резенеръ, А. Я. Гердъ, А. Н. Страннолюбскій, Н. В. Верещагинъ, В. П. Острогорскій, Старицкій и другіе; тогда всѣ они были совсѣмъ еще молодыми.

Въ эту-то школу мать и опредѣлила своего маленькаго шалуна... Въ основѣ этой школы былъ гуманизмъ, не буквоѣдство, не схоластика, а развитіе человѣческой личности. Самыя лучшія, самыя чистыя впечатлѣнія вынесъ изъ этой школы В. С. и хранилъ о ней самыя хорошія воспоминанія. Въ этой-же школѣ было обращено вниманіе на способность мальчика къ рисованію. Эта школа связала на всю жизнь такого глубоко-честнаго, безкорыстнаго труженика, какимъ былъ покойный Федоръ Федоровичъ Резенеръ, съ его ученикомъ Шпакомъ, о которомъ онъ заботился всю жизнь.

Въ этой школѣ В. С. учился всего два года, но она закрѣпила въ немъ развитіемъ понятій и сознательнымъ отно-

шеніемъ къ жизни тѣ инстинкты, которые жили у него въ душѣ. Она создала въ немъ то дѣтское направленіе, ту жажду быть полезнымъ людямъ, стремленіе жить для жизни другихъ, найти свою жизненную полочку, все то, что много дороже правильной постановки буквы „ѣ“, съ которой, кстати сказать, никакъ не ладилъ покойный.

Это-то душевное настроеніе и спасло В. С. отъ погребенія себя въ вѣчные писаря, въ той сытой карьерѣ, какую рекомендовалъ ему одинъ изъ его богатыхъ родственниковъ—чиновниковъ, къ которому онъ обратился за помощью послѣ смерти своей дорогой матери...

Несмотря на то, что В. С. приходилось ходить въ сапогахъ съ такой «чужой ноги», что они невольно вызывали насмѣшки постороннихъ людей, въ такой «хламидѣ», опредѣлить названіемъ которую весьма трудно—онъ все-таки устоялъ отъ обезпеченія себя писарьской карьерой и сталъ учиться рисовать. Услышалъ онъ, что за рисунки деньги платятъ и постарался нарисовать своего брата - бѣдняка — дворовыхъ музыкантовъ; просидѣлъ онъ за ними день и ночь, отнесъ къ Старчевскому въ «Сынъ Отечества», — и, о радость! его рисунокъ напечатали и заплатили ему 20 руб. Юноша ногъ не чувствовалъ подъ собой... При помощи другаго своего уважаемаго родственника, протоіерея о. Петра Гіацинтова онъ опредѣлился въ Академію художествъ, и началъ учиться, перебиваясь со дня на день...

Поселился онъ съ покойнымъ И. С. Пановымъ въ одной комнатѣ. Пановъ тогда уже имѣлъ довольно много работы для ученика Академіи и Шпакъ помогалъ ему въ этой работѣ, не заботясь поэтому ни о платѣ за комнату, ни о столѣ.

Такъ время шло, способности Шпака росли, но онъ оставался тѣмъ же чистымъ ребенкомъ, какимъ и сошелъ въ могилу. Онъ оставался тѣмъ «простымъ», «чистымъ», какимъ желалъ нашъ Великій Учитель, чтобы мы всѣ были, сказавъ: «будьте чисти, яко дѣти, и наслѣдите царство небесное»!

Нашъ умный народъ высоко цѣнитъ эту простоту душевную! Лучшей похвалой въ его устахъ звучитъ—«хорошій человѣкъ—такой простой!»

В. С. былъ типичный представитель этого «простодушія» и для полнаго созданія его типа понадобился бы талантъ Диккенса или Альфонса Додэ.

Раскажемъ его женитьбу, которая дышетъ ребячествомъ.

Въ кухмистерской на Васильевскомъ острову нанимала крохотную комнату дѣвушка, зарабатывавшая себѣ пропитаніе честнымъ трудомъ мастерицы. Въ одинъ прекрасный день она попросила у хозяйки позволенія разгладить себѣ платье въ кухнѣ, изъ-за тѣсноты въ своей комнатѣ.

Гладитъ она платье, входитъ юноша лѣтъ 20, съ большими густыми волосами, въ маленькой фуражкѣ и спрашиваетъ, дома ли одинъ изъ жильцовъ. Отвѣчаютъ, что дома нѣтъ, но скоро будетъ. Онъ проситъ позволенія подождать и начинаетъ, разговоръ съ дѣвушкой, на которую чрезвычайно ласково смотритъ. Послѣ получасоваго разговора онъ спрашиваетъ ее:

— А что, у васъ есть родные?

— Нѣтъ, никого... Я изъ Малороссіи пріѣхала. Сирота.

— Вотъ и чудесно!...

— Что же тутъ чудеснаго? улыбается дѣвушка.

— Да я тоже почти сирота... значитъ мы независимые люди... никто намъ не можетъ запрещать. Напримѣръ, если бы я захотѣлъ на васъ жениться, вы согласитесь — и баста!... Согласились бы вы выйти замужъ за меня? а?...

Дѣвушка разсмѣялась. Но ей всѣ кругомъ стали хвалить необыкновенно честнаго и добраго юношу. Она познакомилась съ нимъ поближе и полюбила его.

Вопросъ остался за средствами; онъ заявилъ, что можетъ много зарабатывать, и принялся... Началъ самостоятельно одному литографу П. рисовать золотыя буквы и скоро за-

работалъ 40 рублей, но когда пришелъ получать ихъ, то оказалось, что литографъ въ этотъ же день повѣсился...

Дѣвушка успѣла скопить 50 рублей, съ которыми они и начали общую жизнь и начали дѣлить и горе, и радости и прожили во взаимной поддержкѣ другъ друга, въ искреннѣйшей дружбѣ семнадцать лѣтъ.

Вѣнчалъ ихъ тотъ же добрый родственникъ, о которомъ мы упоминали, который помогъ и схоронить В. С.

Женятся ли такъ хитроумные современники? совопросники вѣка сего?

Семейная жизнь пошла въ большой нуждѣ, работы было мало и часто приходилось жить «на двугривенный». Нерѣдко В. С. приходилось бѣгать въ лавочку и покупать рису ровно на полкопѣйки.

Но, тѣмъ не менѣе, они были счастливы. Когда же родилась у нихъ дочь Маня, то В. С. и жена его, Анна Егоровна, были на верху блаженства.

Онъ неразлучно былъ съ своей дочкой. Завернетъ ее въ ситцевое одѣяло изъ лоскутковъ, возьметъ ее на руки, да такъ съ нею и понесетъ свои каррикатуры въ «Сынъ Отечества». За каррикатуры эти онъ получалъ по 1 р. 50 к., за штуку и только года за два до смерти могъ кинуть эту «постоянную» работу, заручившись болѣе выгодной.

Виктору Сильвестровичу не удалось окончить курса въ Академіи; поэтому, у него не было увѣренности въ правильности своего рисунка, знаніе котораго у него подчасъ хромало, но за то, сколько у него было наблюдательности, свѣжести, бойкости, вкуса, настроенія—всего того, что даетъ не ученье, а та божественная искра, которая называется талантомъ!..

Какъ чистая, искренняя душа, В. С. былъ не высокаго мнѣнія о своихъ работахъ:

— Я что? Просто чернорабочій — мазилка! говаривалъ онъ. — Съ меня и взыскать нельзя! Мнѣ бы учиться, да

учиться!... да что тутъ подѣлаешь, если ѣсть нужно: у меня вѣдь дочь! Вотъ уже ее такъ выучу! чего я не могъ сдѣлать—пусть она сдѣлаетъ, а мнѣ это еще пріятнѣе будетъ!...

Никому онъ не завидовалъ, не интриговалъ, а жилъ, трудясь съ опредѣленною цѣлью—создать изъ своей дочери истиннаго служителя искусству, которому поклонялось все его существо.

Ему удалось съ однимъ изъ товарищей, который пригласилъ его съ собою *для компаніи*, побывать въ Италіи—въ этой баловницѣ природы, въ этомъ отечествѣ искусства, но не любилъ онъ вспоминать объ этой горькой поѣздкѣ—не по душѣ она пришлась ему...

Вся жизнь его была въ работѣ. Онъ работалъ безъ устали, сотрудничалъ въ «Стрекозѣ», «Нивѣ», «Развлеченіи», «Живописномъ Обозрѣніи», «Сынѣ Отечества», иллюстрировалъ массу книгъ, нарисовалъ множество этикетокъ, начиная съ этикетокъ для папиросъ, виньетокъ.

Давалъ уроки рисованія и платные, и безплатные, между прочимъ занялся съ однимъ крестьяниномъ, продававшимъ ему ярославскіе холсты, у котораго замѣтилъ способность къ рисованію, и поставилъ его на ноги.

Но все это не удовлетворяло его, хотя трудъ иллюстратора онъ ставилъ высоко, какъ проводника искусства, въ массу, въ толпу, какъ популяризатора искусства, какъ сотрудника писателя.

Его влекло къ живописи, его манила природа, и онъ только послѣднія два лѣта, когда начала писать этюды его дочь, бросилъ попытки работать на этюдахъ, чтобы современемъ написать картину, хорошую картину, гдѣ бы не было «условностей», а была бы сама мать-природа, какъ она есть!.. во всей своей простотѣ!... Была попытка у него написать картину *вдвоемъ*, съ однимъ художникомъ, котораго онъ считалъ талантливымъ... Онъ два мѣсяца увлекался этой работой, ждалъ не дождался ея окончанія: онъ купилъ для

будущаго произведенія рамку, заплативъ за нее цѣлый капиталъ—55 руб., и, конечно, потерялъ только время въ этой дѣтской, оригинальной попыткѣ и горько ему напоминала со стѣны пустая рама о потерянномъ времени...

«Ну, ничего!.. теряютъ же люди и не постольку!.. Вотъ Маня напишетъ картину—анъ рама то и готова!.. Вишь виситъ, да дожидается Маниной работы!... И не жалѣю, что попробовалъ: по крайней мѣрѣ ужъ на опытѣ знаю, что не гожусь для живописи—нечего и толковать!.. Вотъ поэтому и сиди какъ прикованный къ столу съ своимъ перышкомъ, да карандашикомъ! да и рисуй что закажутъ!... эхъ! надоѣла мнѣ эта работа!.. изъ-за куска хлѣба! Ну, да Маня выростетъ... вѣдь иногда и старики выучивались....»

Такъ утѣшалъ себя В. С. и десятымъ словомъ было у него «Маня».

Иллюстрированіе составляло для него работу изъ-за куска хлѣба, но его артистическая душа не укладывалась спокойно на эту жизненую полочку: она жаждала творчества, болѣе широкаго дѣла, поэтому, окончивъ съ попытками на «живопись», онъ легко поддался затѣѣ, на какую подбилъ его одинъ писатель—создать дѣтскій журналъ съ раскрашенными рисунками на сотни рублей, которые имѣлись въ распоряженіи у издателя. Но жажда дѣла, о которой мы говорили, стремленіе къ «выболтанію», по характерному выраженію г. Глѣба Успенскаго, своей шеи изъ хомута черной работы, заставили его согласиться убивать свой трудъ въ виду будущихъ благъ. В. С. работалъ для этого журнала мѣсяца четыре, работалъ съ жаромъ, тратя по 15—16 часовъ въ сутки; онъ еженедѣльно долженъ былъ наполнить журналъ своей работой... Журналъ дожилъ до 7-го №, а въ результатѣ у В. С. было даромъ потраченное время и въ чужемъ пиру похмѣлье—векселя на нѣсколько сотъ рублей... Характерно отношеніе его къ этимъ векселямъ: вексель ему былъ выданъ въ помощь, для учета, поэтому онъ

былъ только бланконадписателемъ и его радовало, что на векселѣ «такъ благородно» написано, «что вѣдь не я бралъ деньги, а отъ меня ихъ получили—вѣдь вотъ какъ!»

Только лѣтъ шесть до смерти, какъ имя В. С. начало пріобрѣтать извѣстность, и будь онъ другимъ человѣкомъ— онъ бы зарабатывалъ большія деньги; но онъ былъ «безсребренникъ», онъ постоянно думалъ, чтобы взять «по совѣсти» за трудъ и былъ малымъ доволенъ. Кстати и малороссійская лѣнь ограждала его отъ суетнаго стяжанія.

Послѣдніе годы онъ зарабатывалъ немного больше ста рублей въ мѣсяцъ и былъ счастливъ... И безотказно помогалъ каждому бѣдному, который обращался къ нему, и деньгами, и трудомъ, и хлопотами.

В. С. жилъ самымъ счастливымъ семьяниномъ и всѣ радости его были въ семьѣ, въ дочери...

Работою онъ ухитрился украсить свою шестнадцатирублевую квартирку собственнымъ, благопріобрѣтеннымъ пьянино. И никогда не учась музыкѣ, строго слѣдилъ за игрой своей дочери, которая нѣсколько лѣтъ безплатно обучалась въ серьезной музыкальной школѣ Руссо. Дочь теперь понимаетъ, какъ дороги были ей его указанія, которыя всегда сходились съ указаніями ея профессоровъ.

— Маня, музыка, ты понимаешь, это тотъ же рисунокъ, только тутъ ты рисуешь звуками. Бери этотъ аккордъ рѣзче, положи тѣнь, оттушуй, какъ слѣдуетъ, а вотъ этотъ мягче, круглѣе... понимаешь, звуки должны быть, какъ свѣтотѣни...

Онъ былъ на верху блаженства, когда у его Мани оказались еще способности къ рисованію и она сдѣлалась одной изъ хорошихъ ученицъ Рисовальной школы Общества поощренія художниковъ и стала приносить награды за конкурсы...

Господи! какъ хорошо дышалось на чердачной дачѣ въ Павловскѣ, куда онъ могъ переѣхать въ іюнѣ (1884 г.)..Онъ каждому и всякому готовъ былъ выложить душу, чтобъ выяснить,

что у его Мани есть художественное чутье... Онъ жилъ полной жизнью, слѣдя за ея этюдами съ натуры.

Судьба позавидовала счастью этого скромнаго труженика, 3-го сентября онъ былъ здоровъ, веселъ, ужиналъ у пріятеля, смѣялся своимъ здоровымъ, заразительнымъ смѣхомъ, а въ ночь захворалъ и боли были такъ велики, что онъ сразу же объявилъ женѣ:

— Это не боли, Анюта, а смерть моя... вотъ увидишь!..

4-го къ вечеру, мѣстный докторъ, г. Смирновъ, нашелъ его безнадежно больнымъ...

— Господи!.. да если бы мнѣ поправиться, я бы сѣлъ у окна, да пять бы дней подрядъ смотрѣлъ на Божій свѣтъ!.. на желтые листья... какіе чудные тона теперь для Маниныхъ этюдовъ. Поправлюсь — раньше конца октября не съѣду съ дачи...

Но ему пришлось съѣхать раньше. Съ консиліума докторовъ В. В. и Н. В. Экка рѣшено было перевезти его въ кровати въ Петербургъ на квартиру... Съ пристроечной лѣстницы его пришлось тащить на рукахъ, какъ малаго ребенка. Боли были невыносимыя, но онъ, спускаясь съ лѣстницы, убѣждалъ Маню, чтобъ она непремѣнно передѣлала въ этюдѣ землю... на первомъ планѣ... не хороша она!..

Предполагался у него заворотъ кишекъ, или внутреннее ущемленіе ихъ. Единственная надежда оставалась на операцію, о которой просилъ самъ больной... Но доктора выжидали съ чрезвычайною осторожностью, положивъ рѣшиться на операцію только въ крайнемъ случаѣ...

На седьмой день болѣзни, 11-го сентября, собралось въ квартирѣ В. С. роковое общество врачей: проф. П. Я. Мультановскій, братья Экки, хирургъ Бѣльцевъ и докторъ Еліокинъ. В. С. охотно согласился на эту операцію. Чревосѣченіе произвелъ Н. В. Эккъ. Операція продолжалась 2 часа и дала нѣкоторую надежду на спасеніе больнаго, такъ какъ боли

у него прекратились и онъ сталъ себя гораздо лучше чувствовать, но ночью онъ предсказывалъ нехорошее...

— Ужъ повозитесь, повозитесь со мною сегодняшнюю ночку, — завтрашнюю не придется возиться: успокоюсь на вѣки...

Не станемъ описывать ужасныя подробности смерти въ полномъ сознаніи...

Въ ночь на 13 сентября 1884 г. отошелъ въ вѣчность этотъ рѣдкій человѣкъ, это милое существо...

Свѣтило ясное осеннее солнышко, былъ чудный сеньтябрьскій денекъ, когда медленно двигалась похоронная процессія на Смоленское кладбище. Гробъ былъ весь усыпанъ цвѣтами и вѣнками, провожало человѣкъ восемьдесятъ искренно сожалѣвшихъ о покойномъ, пролившихъ теплую слезу на свѣжей могилѣ.

Всѣ, безъ исключенія всѣ, добромъ помянули и поминаютъ покойнаго... Говорившій рѣчь на свѣжей могилѣ этого труженика не льстилъ ему, не приписывалъ небывалыхъ добродѣтелей, но приглашалъ слѣдовать по стопамъ этого обыкновеннаго, но рѣдкаго по чистотѣ душевной человѣка, среди «суетныхъ, тщеславныхъ, себялюбивыхъ и корыстолюбивыхъ людишекъ», которыми кишмя-кишитъ наша современность...

При данныхъ условіяхъ В. С. Шпакъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать... Вѣчная ему память!..

Въ заключеніе скажемъ, что горькой грустью дышала его рѣчь на смертномъ одрѣ, когда онъ заговаривалъ о будущемъ своей семьи, Мани...

— Умру—трудно вамъ будетъ безъ меня... Ужъ участь работника такова... живъ, работаешь—и самъ и семья сыты... а умеръ, ну, и бѣда... голодъ...

Онъ оставилъ семьѣ семь рублей... Но добро не пропадаетъ. Искренно доброе отношеніе къ людямъ—такъ или иначе возвращается.

Явилась мысль въ пользу оставшейся семьи издатъ альбомъ русунковъ В. С. Шпака и этой мысли удалось осуществиться... Горячая поддержка этой мысли журналистикою, какъ принципіальнаго дѣла, обезпечивающаго семью работника его же трудомъ, нашла такое сочувствіе въ обществѣ, что подписка превзошла самыя розовыя надежды и, чтобъ удовлетворить всѣ требованія, пришлось выпустить второе изданіе. И дай Богъ, чтобъ примѣръ такой безобидной помощи семьямъ работниковъ нашихъ, въ будущемъ имѣлъ широкое примѣненіе и служилъ бы утѣшеніемъ всѣмъ честнымъ и безкорыстнымъ труженикамъ, что ихъ семьи найдутъ нѣкоторое обзпеченіе въ ихъ же честномъ трудѣ.

А. Канаевъ.

Цѣна 20 коп.

